

— Если не будешь слушаться, тебя побьют, — служанки с детства знают это правило.

— Вот как... тогда почему ты взбунтовалась против Императора? Разве ты не знаешь, что в его власти твоя жизнь и смерть?

— Эта служанка знает лишь то, что в чьих руках её жизнь и смерть, решает только ван.

— Хе-хе... Нет женщин более благородных, чем те, что принадлежат императорскому роду. Твоё безграничное послушание передо мной и дерзкий бунт против Императора — ты поистине удивительна.

— Ван перехваливает. Ван, если... если эта служанка скажет, что у неё есть любимый мужчина, и этот человек находится в Резиденции князя Наньчжао, неужели ван и впрямь отдаст меня?

Произнеся это, Цин Ло широко раскрытыми глазами уставилась на Чу Ли, её взор уже заволокли слёзы. Она была уверена, что Чу Ли разгадал её «тайные помыслы», и единственное, на что она ставила — это собственная красота да крохи жалости со стороны Чу Ли.

Она не могла покинуть Резиденцию князя Наньчжао.

Она ещё не нашла истинного виновника, подставившего её, она ещё не заставила Цзи Юэ и Чу Ли понести заслуженную кару! Она не могла уйти!

Хотя она прекрасно знала, каким будет выбор Чу Ли, услышав его ответ, она всё равно ощутила леденящий холод во всём теле:

— Цин Ло, хорошенько отдохни. Как бы то ни было, тебя можно считать женщиной Императора, так что живи в резиденции с миром, а без надобности не шастай где попало.

— Слушаюсь. Счастливого пути вану.

Чу Ли кивнул Цин Ло и вышел из комнаты, а спустя мгновение вбежала Лоэр. Упав на постель, она со слезами на глазах уставилась на Цин Ло, превратившись в настоящую ревущу:

— Госпожа, вы наконец очнулись! Я уж думала, вы...

— Думала, я умерла, да? Дурочка, умереть не так-то просто, — слабо улыбнулась Цин Ло.

— Госпожа, теперь во всей резиденции знают, что ван преподнёс вас Императору! Если бы вы смогли войти во дворец вместе с Императором, это было бы великим благом, но если Император воспылал лишь мимолётной страстью...

— В таком случае всю оставшуюся жизнь мне придётся ждать мужчину, который никогда не вернётся. Ван не обидит меня, но и не отпустит, заставив сгнивших в стенах резиденции превратиться в прекрасный прах.

— Разве госпожа так хорошо понимает вана? Почему мне кажется, что вы знакомы с ваном уже очень давно? — с удивлением спросила Лоэр.

— Наверное, и впрямь давно... Хе-хе... Лоэр, пока я была без сознания, не говорила ли я чего странного?

Цин Ло не верила словам Чу Ли и подозревала, что он просто пытался вывести правду, поэтому решила расспросить Лоэр. Не раздумывая, та охотно ответила:

— Когда вы были без сознания, то всё время держали вана за руку и не отпускали, да ещё и по имени его звали! Я рядом стояла — чуть со страху не умерла, но ван почему-то совсем не рассердился и даже всю ночь так ласково просидел у вашей постели. Я уж думала, что ван выделил вас среди прочих, но... эх...

Хотя на наивном личике Лоэр отразилась лёгкая печаль, сама Цин Ло лишь едва заметно улыбнулась. Было бы глупо утверждать, что ей не больно, но она знала: решения Чу Ли не под силу изменить никому, и всё, что ей оставалось — это в оставшиеся дни в резиденции изо всех сил наказывать тех, кто посмел её обидеть.

Она никогда не была властна над своей судьбой, и всё, что ей оставалось — это плыть по течению.

— Лоэр, ван действительно пробыл в моей комнате всю ночь?

— Ага.

— А как отреагировали остальные жёны?

— Лоэр не смеет говорить.

— Говори.

— За глаза... за глаза называют вас не иначе как лисицей...

— Понятно. Судя по нраву Цзи Юэ, она уже давно должна была поднять скандал. Что она делает сейчас?

— Кажется, наложница Юэ заболела.

— Заболела?

— Говорят, у неё сильные головные боли.

— Опять головные боль... У неё всегда находится одно и то же излюбленное оправдание.

— Госпожа? — с недоумением посмотрела на неё Лоэр.

— Я к тому, что она наверняка увидела, как ван заботится обо мне, и теперь специально капризничает и ломает комедию... Раз так, отнеси ей немного успокаивающих благовоний.

— Каких именно благовоний?

— Я сама их приготовлю.

— Слушаюсь.

— И еще: сожги этот халат, заново прибери в комнате и подготовь мне ванну. Я не выношу отвратительную вонь этого человека. — Сняв верхнюю одежду Чу Ли, бесстрастно произнесла Цин Ло.

— О небеса, разве это не одежда вана? Разве госпожа не боится, что позже он станет расспрашивать? — удивленно спросила Лоэр.

— Ты думаешь, он еще вернется?.. Со всем остальным мне придется справляться самой.

Если память ей не изменяла, в Резиденции князя Наньчжао росло несколько прекрасных кустов мака, которые должны были прийти как нельзя кстати от излюбленного недуга Цзи Юэ.

Стерпев столько всего, она больше не могла ждать.

Жди меня, Цзи Юэ. Ты станешь первой.

Башня Любования Луной.

Накрывшись ночной сорочкой и снедаемая тревогой, Цзи Юэ размахивала перьевым веером, чувствуя, что от головной боли её голова вот-вот расколется надвое. Когда она только попала в

резиденцию, она тоже была наивной и лучезарной девушкой, глубоко влюбленной в этого выдающегося мужчину, но в его глазах для неё не было места. Выходя за него замуж, она прекрасно знала, что Чу Ли нужны лишь влияние и поддержка её родни, но всё равно без оглядки бросилась в этот омут — пусть даже всего лишь в роли его наложницы.

Ван... ты уже очень давно не навещал меня.

После того, как в резиденцию вошла эта девчонка, ты сильно изменился, и, боюсь, даже сам этого не заметил. Во взгляде, которым ты смотришь на неё, читаются удивление, восхищение и глубокая нежность. Такое выражение лица я видела лишь тогда, когда ты смотрел на ту женщину, а ведь она уже мертва!

Да, пусть потом ты и раскаивался, но она уже мертва!

Я знаю, что ты ненавидишь меня, что готов убить собственными руками, но ты не посмеешь поднять на меня руку. Мертвого не вернешь, а живи она — от неё были бы одни лишь бесконечные проблемы. И зачем тебе из-за женщины, не имеющей никакой ценности, портить отношения с за спиной у которой стоит влиятельный род Ван? На призыве лишь мой отец делит пополам с Канцлером всю Поднебесную, так что от влияния клана Ван ты не откажешься.

И всё же, как сильно я хочу, чтобы, глядя на меня, ты видел только меня одну...

Приближается день её поминаения, и ты, ван, наверняка снова станешь ещё более молчаливым и угрюмым. Неужели, как бы я ни старалась, я не смогла превзойти даже покойницу? Раз так, тогда зачем ты в своё время...

— Госпожа, вас желает видеть госпожа Цин Ло.

— Цин Ло? Зачем она пришла? — удивилась Цзи Юэ. — Ладно,пусти её.

Дверь отворилась.

Цин Ло вошла в сопровождении Лоэр. Это был её первый визит в Башню Любования Луной после перерождения и первая встреча с Цзи Юэ с глазу на глаз. Стояла сильная жара, но Цин Ло была одета в простое нежно-зелёное платье, в то время как Цзи Юэ облачилась в тяжёлые многослойные одежды алого цвета, а голову украшали ослепительные золотые шпильки — казалось, она вовсе не желала выказывать слабость перед Цин Ло.

Цин Ло помнила, что в бытность княгиней она совсем не любила подобные драгоценности и одевалась очень скромно. Поскольку наложницы не смели наряжаться пышнее хозяйки дома, во всей Резиденции князя Наньчжао царил сдержанный и изысканный стиль. После её смерти делами в резиденции заправляла Цзи Юэ. Словно опасаясь, что кто-то забудет её статус, она

вечно носила золото и серебро, а остальные жёны всю ссорились друг с другом, выглядя ещё пестрее прежнего. Похоже, хотя сама она раньше и не думала усложнять им жизнь, в душе те все равно люто ненавидели её...

Многие действительно искренне радовались её смерти.

— Госпожа Цин Ло, какими судьбами вы решили спуститься до моей Башни Любования Луной?
— с сарказмом в голосе протянула Цзи Юэ, глядя на гостью.

Цин Ло знала, что Цзи Юэ высмеивает её за то, что та никогда не приходила с поклонами и не пыталась заискивать, и лишь спокойно ответила:

— Госпожа, Цин Ло услышала от вана, что вы нездоровы, и принесла собственноручно составленное благовоние в надежде, что оно поможет вам успокоить дух и мысли.

— Ты умеешь составлять благовония? Боюсь только, что из-за неумелого приготовления они легко могут превратиться в уносящий души яд.

— Цин Ло понимает, что госпожа мне не доверяет — но будь у меня и впрямь злой умысел против вас, я бы не стала лично приносить благовоние, подставляясь под удар языков. Госпожа должна понимать: ван оказывает мне столь высокий приём лишь потому, что видит во мне подарок для Императора, и я никогда не питала на его счёт пустых иллюзий. К тому же я теперь «женщина Императора»: если повезет, попаду во дворец, а если нет — суждено мне доживать век в одиночестве в стенах резиденции. Вот почему я надеюсь опереться на такое могучее древо, как вы.

— О? Не поздно ли спохватилась улаживать меня?

— Поздновато, но всяко лучше, чем даже не пытаться.

— А ты и впрямь искренна, — усмехнулась Цзи Юэ. — Только вот эта твоя искренность до того прозрачна, что мне от этого не по себе. Хотя умом я и не блещу, но вижу, что ты женщина с амбициями, и под твоей красивой оболочкой кроется неведомый злой умысел. Ступай-ка ты назад: твою доброту я принимаю, но на твои просьбы ответить не могу.

— Цин Ло откланивается.

Со всё тем же бесстрастным лицом Цин Ло развернулась и ушла вместе с Лоэр. Проводив её долгим взглядом, Цзи Юэ открыла парчовую шкатулку. Невнимательно взглянув на лежащий внутри чёрный предмет и прижимая руку к раскалывающейся голове, она бросила Ван Момо:

— Сначала проверь это на какой-нибудь больной служанке.

— Госпожа!

— Момо, моя голова так сильно болит! Раньше приступы случались раз в несколько месяцев, потом раз в месяц, а теперь — каждые несколько дней! Чем ближе день поминовения этой женщины, тем сильнее мои головные боли! Ты думаешь, это неприкаянный дух Юй Сыин преследует меня и жаждет сжить со свету? Но почему остальные целы и невредимы? Не я одна её сгубила, я лишь подтолкнула её, так почему она преследует только меня?!

— Госпожа, не забивайте себе голову глупостями! Покойная княгиня умерла от болезни, об этом знают все, не наговаривайте на себя лишнего!

— Даже если она вернется за мстью, я не боюсь, — прижимая ладони к голове, Цзи Юэ вновь обрела прежнюю холодность. — Я смела вредить ей при жизни, чего же мне бояться какого-то призрака... Я давно велела колдунам запечатать её дату рождения при помощи талисманов, чтобы она навек осталась привязанной к бренному миру, не смогла переродиться и скиталась бесприютным злым духом. Юй Сыин, пеняй на себя за то, что полюбила вана и посмела монополизировать его! Ха-ха...

Уголок Ив.

Прижав к груди кувшин с вином, Цин Ло сидела в одиночестве на берегу пруда, скинув обувь и опустив босые ноги в ледяную воду. Она сладко выдохнула. Заявляться в Уголок Ив глубокой ночью уже вошло у Цин Ло в привычку, и в то же время она в очередной раз радовалась тому авторитету, которым обладал Чу Ли в резиденции.

Чу Ли был на редкость властным мужчиной, и никто не смел ослушаться его приказов. Стоило ему объявить Уголок Ив запретной зоной, как сюда никто не смел соваться, так что даже стража не требовалась, и пробраться внутрь не составляло никакого труда. К тому же здесь не было слуг, никаких правил и этикета, никакой ответственности княгини — как же прекрасна была эта свобода. Цзи Юэ уже распробовала прелесть мака, а значит, скоро прибежит с повинной головой выпрашивать новое благовоние...

Размышляя об этом, Цин Ло сладко прищурилась, сделала большой глоток вина, а на её губах заиграла лёгкая улыбка. Несколько дней назад, когда служанки Чу Ли принесли ей драгоценности, Лоэр поболтала с ними немного, и от них же Цин Ло узнала, что головные боли у Цзи Юэ прошли, зато та перестала спать по ночам, мучилась от провалов в памяти, стала нервной и раздражительной. Пару дней назад, когда Чу Ли навестил её, она расплакалась, упала перед ним на колени и заладила про то, что «она вернулась», чем до смерти разозлила Чу Ли — тот побледнел и, взмахнув рукавами, удалился.

Цзи Юэ и впрямь дура.

Твоя головная боль мучает тебя из-за нечистой совести, и хотя моё маковое снадобье притупляет нервы и облегчает боль, оно вызывает смертельные галлюцинации и глубокую зависимость. Когда твои головные боли окончательно «пройдут», ты постепенно начнешь

видеть то, что тщательно прятала на самом дне своего сердца, и встретишь тех, кого меньше всего хотела бы увидеть, пока в конце концов не погибнешь, не вынеся этих сводящих с ума видений.

Все знают о красоте мака, но никто не ведает, какими свойствами обладает этот иноземный цветок. Не подскажи ей Сяо Гэ, она бы и сама не додумалась до такого приёма. Интересно, кого же ты увидишь? Ха-ха...

Вспомнив, как она сегодня нарочно заглянула к Цзи Юэ и с невинным видом притворилась, будто не понимает намёков на новые благовония, отчего лицо Цзи Юэ сделалось свинцово-серым, Цин Ло невольно улыбнулась. Вытащив ноги из воды, она сделала ещё несколько глотков сладковатого вина, швырнула глиняный кувшин в пруд и, глядя, как он медленно идет ко дну, наконец облегчённо и звонко рассмеялась.

Она не умела пить, и раньше на банкетах Чу Ли всегда прикрывал её, боясь, что она потеряет лицо, а проснувшись наутро, будет страдать от угрызений совести. На сей раз никто не отговаривал её от выпивки, и она в одиночку уговорила небольшой кувшинчик грушевой водки, зная, что больше не найдется того, кто ласково скажет ей: «Пей поменьше, как бы не опьянеть».

Какое блаженство... Тело такое мягкое, в голове ни одной мысли — как же хорошо.

Наверное, всё случившееся — просто сон.

Я всё еще в своём Уголке Ив, мой муж — лучший мужчина на свете, у меня есть любящие родители и живой, жизнерадостный младший брат, и я всё ещё самая счастливая женщина в Поднебесной. С какой стати низким наложницам сметь вредить мне, и почему муж мог мне не верить? Это всё был сон...

Алкоголь брал своё, и мысли Цин Ло путались всё сильнее. Улыбаясь, она закружилась на месте, шатаясь, направилась к своим прежним покоям и вдруг услышала чей-то голос за спиной:

— Ты кто такая и как посмела самовольно явиться в запретную зону?

Запретную зону? Это же мои покои, с чего бы им быть запретной зоной?

Цин Ло медленно обернулась.

В лунном свете она увидела Чу Ли — он молча стоял перед ней в белых одеждах. Черты его лица по-прежнему были прекрасны, но в глазах читались изумление и с трудом сдерживаемый гнев. Улыбаясь, она направилась к Чу Ли, обвила руками его талию и нежно прошептала:

— Чу Ли, ты пришёл?

Чу Ли замер.

Кто ты такая?

Цин Ло едва доставала ему до груди, к тому же низко опустила голову, поэтому Чу Ли не мог разглядеть ни её лица, ни выражений на нём.

Он лишь чувствовал, как мягкое девичье тело легко прижалось к его груди, ощущал исходящий от неё неповторимый аромат юности, а открывшаяся картина до пугающего казалась знакомой. Он стоял неподвижно, позволяя девушке обнимать его, пока та сквозь слёзы бормотала ему в грудь:

— Сон... Всё, что осталось в моей памяти — лишь сон...

— Ты пьяна, — слегка дрогнув телом, холодно бросил Чу Ли.

— Вот как... я уже и сама не помню, пила я или нет...

— От тебя падает до боли знакомыми духами.

— Чу Ли... — Цин Ло подняла голову, туманным от слёз взором глядя на него.

— Цин Ло... я помню, что говорил тебе уже много раз: тебе запрещено называть меня по имени. Неужели ты ни во что не ставишь мои слова?

— Что?

— Сначала ты прорываешься в запретную зону, потом самовольно напиваешься, а теперь ещё и дерзаешь называть по имени... Ты и впрямь жить надоела. Скажи мне, это так?

— Чу Ли, я... я...

— М? — приподнял бровь Чу Ли.

В голове у Цин Ло по-прежнему царил туман.

Она ошеломленно смотрела на него, придерживая раскалывающуюся от боли голову, а Чу Ли молча смотрел на неё, и лицо его всё сильнее омрачалось. В этот момент внезапно,

пронзившая грудную клетку боль пронеслась по всему телу. Она рухнула на колени, судорожно вцепившись пальцами в дерн, а по лбу градом покатился холодный пот. Невыносимое страдание вмиг прогнало остатки хмеля; она до крови закусил губу, проклиная себя за только что проявленную слабость!

И надо же было мне снова распускать нюни перед этим мужчиной да ещё и бросаться ему на шею...

Хорошо ещё, что я не успела назвать своё истинное имя, иначе все планы рухнули бы в одно мгновение! Отныне я больше никогда не прикаснусь к вину и не позволю себе оказаться в столь опасном положении! Но как мне теперь выкрутиться из этого? К тому же как же мне больно...

— Пилюля Разъедания Сердца дала о себе знать, — спокойно глядя на поверженную перед ним Цин Ло, произнес Чу Ли. — Я собирался отправить служанку отнести тебе противоядие, но, похоже, ты и так ничем не занята, да оно тебе и без надобности. Скажи, Цин Ло, я прав?

— Ван... помилуй!

— Каждое своё движение ты копируешь покойную княгиню. Ты надеешься, что я выделю тебя, или преследуешь иные цели? Отвечай, откуда тебе известен тайный ход? Чего ты добиваешься?

— Цин Ло не понимает слов вана. — Притворившись невозмутимой, сквозь боль взмолилась она: — Прошу вана даровать противоядие!

— Ха... Противоядие, говоришь? Оно у меня есть, но если ты не скажешь правду, я его не дам.

— О чём ван хочет услышать? Цин Ло ничего не знает!

— Ты прекрасно играешь свою роль, размягчив моё сердце и чуть не обманув меня... Ты умеешь играть на «Снова Весна», знаешь о потайном ходу в Уголке Ив — без специальной подготовки такое просто невозможно узнать. Как бы ты ни рассчитывала всё до мелочей, ты забыла об одном: о запахе пудры на твоём теле. Очень приятный аромат, его я тоже чувствовал в тайном ходу. Цин Ло, ты всё ещё смеешь утверждать, что ничего не знаешь?

Яд дал о себе знать

— Я... — Цин Ло лишилась дар речи.